

УДК 81.27

**РЕЧЕВОЙ АКТ КОСВЕННОЙ УГРОЗЫ В ПРАКТИКЕ
СУДЕБНОЙ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ***Т.С. Шахматова***Аннотация**

Эксперт-филолог нередко встречается с примерами, когда в контексте угроза превращается в речевой акт с другим значением (совет, рекомендация, предостережение). В статье рассматриваются особенности юридизации косвенных речевых актов со значением угрозы и случаи их нейтрализации речевым актом совета. С помощью метода полного прагматического описания коммуникативного события проанализирована речевая ситуация из экспертной практики. Сделаны выводы о роли экспертного заключения при анализе косвенного речевого акта угрозы.

Ключевые слова: прямой и косвенный речевой акт, угроза, совет, речевая стратегия, судебная лингвистическая экспертиза.

Речевой акт угрозы как форма прямого и косвенного речевого поведения мало разработан в современной юридической лингвистике. В первую очередь это связано с кажущейся очевидностью угрожающего значения, а потому сравнительно редкими случаями привлечения эксперта-филолога для рассмотрения такого рода дел. Действительно, значение прямой угрозы обычно очевидно для носителей русского языка, однако косвенная угроза нередко вызывает споры относительно её трактовки, которые требуют вмешательства специалиста-языковеда. Речевые акты, как известно, в процессе речевой деятельности могут обмениваться качествами, нейтрализоваться в определённых типах контекстов. Речевой акт угрозы редко существует сам по себе, чаще это одна из кульминационных точек агрессивных речевых стратегий манипулирования, давления на собеседника. В таких случаях необходимо привлечение эксперта-филолога для выявления вероятности восприятия речевого акта как угрозы.

В праве угроза определяется как один из видов психического насилия над личностью. Угроза может быть выражена устно, письменно, демонстрацией намерения нанести физический, материальный или иной вред лицу или его правам и интересам, охраняемым законом [1]. Как феномен права угроза входит в состав нескольких правовых норм. Приведём некоторые примеры. В уголовном праве угроза представляет способ подстрекательства, доведения до самоубийства (ст. 110 УК РФ), вовлечения несовершеннолетнего в совершение преступления (ст. 150 УК РФ), незаконного получения сведений, составляющих коммерческую или банковскую тайну (ст. 183 УК РФ), вымогательства (ст. 163 УК РФ). В трудовом праве наличие угрозы входит в состав понятия принудительного

труда. Наличие или отсутствие угрозы способно отягчать и смягчать (вплоть до исключения преступности деяния ст. 40 УК РФ) наказание. Сама угроза также является преступлением и образует состав статьи 119 УК РФ: угроза убийством или причинением тяжкого вреда здоровью. В плане понятийной определённости угроза стоит особняком по отношению к другим речевым преступлениям. Например, клевета и оскорбление определены законодателем в соответствующих статьях Уголовного и Административного кодексов, понятие же угрозы специально не сформулировано.

Как феномен лингвокриминалистики угроза описана в работах К.И. Бринёва, М.А. Осадчего, А.Н. Баранова. М.А. Осадчий обращает особое внимание на перлокутивный эффект данного речевого акта: говорящий (субъект угрозы) должен обладать возможностями для осуществления угрозы, иначе говоря, отношения между субъектом и объектом угрозы могут быть только вертикальными. Такое юридическое понимание угрозы является более узким по сравнению с общеязыковым. Кроме того, Осадчий предлагает квалифицировать как угрожающие только контексты, «категоричные и прозрачные в смысловом отношении» [2, с. 47–48]. При общей справедливости такого подхода в отношении прямых угроз реальная практика лингвистической экспертизы сталкивается как раз с обратным явлением. Именно косвенная угроза как вызывающая наибольшее число вопросов чаще всего попадает на исследование к эксперту-филологу. Зная о возможном наказании, говорящий маскирует угрозу под другие речевые акты. Верно и то, что специалист в области лингвистики может указать на возможности восприятия и трактовки высказываний, где угроза лишь вероятна, нейтрализована другим речевым актом и т. п. Косвенные угрозы или конструкции, использующие стратегию «обратной стимуляции»¹, невозможно удалить из поля зрения юридической лингвистики.

Для квалификации не прямых речевых действий нам кажется убедительной позиция К.И. Бринёва, который отмечает необходимость подробного всестороннего описания языкового факта: «Категория факта подчиняет себе все исследовательские параметры лингвистической экспертизы: мы устанавливаем факты и мы их объясняем, но не даём определения явлениям или терминам» [4, с. 243]. Таким образом, Бринёв не предлагает определять, что такое «угроза», а рекомендует описать, какими свойствами обладает тот фрагмент действительности, который мы условились называть «угроза», в каких отношениях он находится с другими фрагментами языковой и речевой действительности. Иначе говоря, лингвист описывает речевой акт и максимально доступный для анализа контекст, при этом пропозициональное содержание высказываний называется, но не квалифицируется экспертом. Выделяются пропозиции, содержащие следующую информацию: о жизни и здоровье того, кому адресована угроза; распространении негативной информации о лице, независимо от истинности и ложности такой информации; применении насилия и др. (подробнее см. [5–6]). Дальнейшую квалификацию по критерию «запрещено или разрешено законом данное речевое поведение» производит юрист на основе выделенных лингвистом признаков.

¹ А.Н. Баранов называет их «угрозами-понуждениями», когда угрожающий хочет от объекта угрозы не бездействия, а действия, например: «Пока ты не сделаешь уроки, на улицу не пойдёшь» [3].

На практике такую стратегию реализует в своих экспертизах А.Н. Баранов – один из ведущих специалистов, занимающихся проблемами современной юридической лингвистики. Например, учёный описывает критерии нарушения стратегии торга, когда «продавец» отказывается продавать некое здание, а «покупатель» настаивает на продаже, приводя аргументы того, что здание всё равно не удастся удержать и намекая, что может создать проблемы с собственностью здания. Проанализировав содержание и контекст беседы, Баранов приходит к выводу, что эта стратегия только маскируется под торг, поскольку состоит из ряда угроз: запугивая потенциального продавца проблемами, потенциальный покупатель вынуждает его продать собственность [3].

В соответствии с комментариями к УК РФ ответственность за угрозу наступает, если имелись основания опасаться осуществления этой угрозы. Оценивая реальность осуществления угрозы, необходимо учитывать все обстоятельства конкретного дела: обстановку преступления, взаимоотношения виновного и потерпевшего и т. п.

Для более чёткого представления о круге экспертных задач специалиста-филолога обратимся к структуре собственно речевого акта угрозы. Классическое его описание дала А. Вежбицка:

1) говорю: я хочу, чтоб ты знал, что если ты сделаешь X, то я тебе сделаю нечто плохое;

2) думаю, что ты не хочешь, чтобы я это сделал;

3) говорю это, потому что хочу, чтобы ты не сделал X [7, с. 70].

К.И. Бринёв расширил эту структуру, исходя из наблюдений за практикой юридической лингвистики, и включил в описание условия коммуникантов, их знания и интенции. Структура прямой угрозы выглядит следующим образом:

1) думаю, что ты не хочешь, чтобы я сделал тебе нечто плохое;

2) думаю, что ты знаешь (или можешь думать), что я могу сделать тебе нечто плохое;

3) хочу, чтобы ты знал (думал), если ты сделаешь X, то я сделаю тебе нечто плохое;

4) говорю: если ты сделаешь X, то я сделаю тебе нечто плохое;

5) говорю это для того, чтобы ты не делал (сделал) X.

Косвенная угроза выражается на имплицативном уровне структуры текста, то есть из текста вытекают содержательные компоненты, соотносимые с угрозой. Косвенная угроза имеет следующую структуру:

1) говорю: я хочу, чтоб ты знал, если ты сделаешь X, то наступит нечто плохое;

2) думаю, что ты не хочешь, чтобы это наступило;

3) говорю это, потому что хочу, чтобы ты не сделал (сделал) X [5].

Однако каков бы ни был план выражения, говорящий и при прямой, и при косвенной угрозе ведёт себя так, «что он знает и хочет, чтобы его речевое произведение интерпретировалось слушающим как угроза» [8].

Косвенный речевой акт обладает семантической неполнозначностью. Он становится семантически завершённым лишь в конкретном контекстуальном окружении. «Если в эксплицитном выражении МРА [менасивный речевой акт, или речевой акт угрозы] его коммуникативная интенция чётко обозначена, то

в имплицитном МРА базисная иллюкутивная сила нейтрализуется вторичной иллюкутивной силой. Базисная иллюкутивная сила оказывается несоответствующей ситуации общения, что заставляет слушающего искать истинный смысл высказывания» [9, с. 1337].

Безусловно, расшифровка и понимание косвенного речевого акта угрозы происходит при наличии «вещественных предпосылок коммуникации» [10, с. 45]. Иными словами, адекватная расшифровка возможна только в том случае, если эксперт-филолог обладает тем же уровнем знаний о коммуникации, что и участники (общий фонд знаний о мире, общая оперативная память, касающаяся диалога), что, конечно, невозможно, даже если эксперт изучит все материалы по делу, собранные следственными органами. Однако определённая помощь эксперта в делах такого рода всё-таки возможна, особенно если речь идёт о больших объёмах текста, где угроза (косвенная, прямая, замаскированная или нейтрализованная) является речевым ходом, приёмом в составе речевой стратегии. В таком случае эксперт может проанализировать общий смысл стратегии, целеполагание коммуникантов, их речевое взаимодействие и установить степень вероятности наличия угрожающего содержания или способ нейтрализации речевого акта угрозы. В зависимости от общих особенностей речевого поведения говорящего и слушающего, то, что показалось слушающему угрозой, может быть с большей или меньшей вероятностью интерпретировано как речевой акт совета, пожелания, рекомендации или собственно угрозы.

В настоящей статье мы проанализируем речевую ситуацию из нашей экспертно-судебной практики, которая содержит пример нейтрализации речевого акта угрозы речевым актом совета. Приведём описание ситуации общения, известное из постановления о назначении лингвистической экспертизы. Участки диалога, не имеющие прямого отношения к теме, сокращены; имена и названия изменены.

В разговоре участвуют три человека. Собеседник 1 (называемый Родионом) и Собеседник 2 (называемый Верой Павловной) являются мужем и женой, партнёрами по бизнесу. Собеседник 3 (называемый Иваном Ивановичем) – представитель администрации города. Версия следствия, основанная на показаниях Собеседников 1 и 2, состояла в том, что в ходе личной встречи представитель администрации города (Собеседник 3) с помощью намёков и завуалированных под совет рекомендаций сообщил о необходимости передать часть бизнеса третьим лицам взамен на сохранение бизнес-репутации Собеседников 1 и 2, а также на продолжение сотрудничества с ними по госконтрактам. Версия Собеседника 3 заключалась в том, что он знал о некотором интересе к бизнесу его собеседников со стороны третьих лиц, однако не собирался вмешиваться; а разговор, который состоялся по инициативе Собеседников 1 и 2 и был ими записан, являлся провокацией с их стороны. Угрозы вымогательства, по словам Собеседников 1 и 2, прозвучали в следующих контекстах.

Собеседник 2: *И поэтому... не понимаю я, ни как к этому относиться и что это за ситуация. Насколько серьёзно, или, может, это так, просто разговор, и не стоит это обсуждать, может быть, что вообще происходит.*

Собеседник 3: *Насколько я понимаю, всё достаточно серьёзно. Но это не наш вопрос, поэтому я... Я единственное со своей стороны могу сказать, что*

мне было вот как раз, думаю, что такие решения, которые Родион ну как бы излагал, мне рассказывал... Именно то, что вы завершаете два этих мероприятия правильно... Ну а там эта штукавина случилась, не случилась, там эта другая история, которая... я которую не готов комментировать.

Собеседник 1 не согласен со словами Собеседника 3 о невозможности помощи с его стороны.

Собеседник 1: Ну, вот, Иван Иванович чуть-чуть лукавит, что это, так сказать, это самое не в смысле него...

Собеседник 3: Не знаю. Я не согласен на такие интерпретации.

Собеседник 2: Я просто, вы меня не путайте, я и так не понимаю.

Собеседник 3: Я тоже не понимаю...

Собеседник 2: О чём тогда идёт речь? Задача какая сейчас стоит? Так, я должна понимать суть... Своей какой-то защищённости. О чём просто идёт речь? Как я могу вот... кто-то придёт, кто-то сядет в моё кресло. Я не понимаю ничего. В мой кабинет. Или что?

Собеседник 3: Вот это вот вообще не моя тема и абсолютно не мой вопрос. Я вам как бы вот изложил то, что я вижу правильный путь, что вы делаете правильные мероприятия и имя ваше сохраняется, репутация сохраняется. Вот в этой конфигурации. Как там, чего там с вашим креслом, Вера Павловна, это не ко мне.

Собеседник 2: Ну, так имеется в виду условно.

Собеседник 3: Не ко мне.

Собеседник 2: Я не физическое. Я имею в виду.

Собеседник 3: Ну и условно... не ко мне. Совсем не ко мне.

Опустим ряд реплик (18 диалоговых шагов), которые касаются обсуждения вопроса Собеседника 2 о том, что происходит с их бизнесом, и стремления Собеседника 3 уйти от прямого ответа. Однако все попытки Собеседника 3 закончить разговор оказываются коммуникативно неудачными, так как Собеседники 1 и 2 находят способы вернуться к вопросам о своём бизнесе.

Собеседник 2: Ну и что тогда?

Собеседник 3: В основном Вера Павловна правильно беспокоится, репутация у нас у всех, мало ли компаний по жизни...

Собеседник 2: Конечно, её трудно завоевать, а очень легко растерять.

Собеседник 3: Да, есть ещё личная репутация. Поэтому вот этот вот ваш, я не знаю, там эта техническая, о чём вы там сейчас рассуждаете /слово неразборчиво/ а репутационно вы как бы вот делаете в этом контексте вот эти два мероприятия и отходите от /слово неразборчиво/ там, каким там способом... Но это не моё решение, как бы, там ваша внутренняя задача.

Собеседник 2: Отходите – это каким образом?

Собеседник 3: Не знаю, Вера Павловна, вот честно. Вы меня, значит, я вот...

<...>

Собеседник 3: Я могу с тем же успехом по телефону советовать. Да. Обстоятельства могут быть самые разные в пути, как бы да, которые совершенно не связаны с качеством работы по конкретному проекту. Проект проектом, а есть ещё жизнь! Она длинная и большая. Вот. Если есть какие-то

обстоятельства, которые... то, на мой взгляд, всегда лучше сбросить лишний проект и продолжить движение дальше по пути, который проложен давно и прямо.

Собеседник 1: *То есть не создавать себе проблем, как бы, закончить...*

Собеседник 3: *Это не стоит того.*

Собеседник 2: *То есть получается... Ну, я правильно поняла, с одной стороны /слово неразборчиво/ уголовное дело, которое я не видела, с другой стороны наши контракты? То есть у меня стоит выбор? Так?*

Собеседник 1: *Иван Иванович за уголовное дело не отвечает.*

Собеседник 3: *Я не отвечаю.*

Собеседник 2: *А что это такое за история, ты только что так сказал.*

Собеседник 1: *Нет, уголовное дело – это команда как бы других людей...*

Собеседник 3: *Так, коллега... Это самое, Родион, я вам пожелаю здесь поговорить, этот вопрос пообсуждать...*

Результатом данного разговора стало поступившее от Собеседников 1 и 2 заявление об угрозе вымогательства доли бизнеса, которая, по словам истцов, была озвучена на встрече с Собеседником 3. Речь о прямой угрозе в этом случае идти не может, так как прямо не назывались ни требования Собеседника 3, ни последствия невыполнения угроз. Однако следствие сочло возможным рассмотреть слова Собеседника 3 как косвенную угрозу: требование передать часть бизнеса взамен на продолжение государственных контрактов и сохранение репутации бизнесменов.

Первое, на что автор работы обратил внимание, – это неоднозначная рецепция Собеседниками 1 и 2 одних и тех же фраз Собеседника 3. Из показаний Собеседника 2 следовало, что он воспринял слова Собеседника 3 как угрозы. В показаниях Собеседника 1 содержалась запись, свидетельствующая о другом понимании: *В ходе встречи Иван Иванович [Собеседник 3] подтвердил свою осведомлённость о попытке захвата нашего бизнеса и свои гарантии лояльного отношения к двум уже заключённым договорам. По результатам встречи никакого решения принято не было.* Неоднозначное восприятие показалось нам неслучайным в свете других факторов, обзор которых приведён далее.

Тематика исследуемой беседы – попытка Собеседников 1 и 2 выяснить, что происходит с их бизнесом, у Собеседника 3, который, как им кажется, более осведомлён о сложившейся ситуации. Речевой жанр – просьба о совете. Разговор инициирован Собеседниками 1 и 2: они пригласили Собеседника 3 на встречу. Речевой жанр совета имеет несколько разновидностей, которые объединены общими признаками: давая совет, говорящий полагает или даже уверен, что адресат, находясь в ситуации выбора решения, сомневается либо не знает способов разрешения затруднения (свойство 1). Напротив, говорящий знает адекватное решение проблемы и готов принять на себя ответственность за последствия совета (свойство 2).

Анализ показывает, что ни свойство 1, ни свойство 2 в начале беседы не выполняются или выполняются частично. Собеседник 3 старается не отвечать на прямые вопросы Собеседников 1 и 2, уходит от разговора, используя стратегию коммуникативного саботажа в тактиках отрицания, уклонения, перевода темы, попытках закончить разговор («не моя тема», «не ко мне», «я не отвечаю»)

и т. п.). Филолог не берётся анализировать возможные причины нежелания говорить Собеседника 3 (который тем не менее пришёл на встречу), однако обратить внимание на нетипичные речевые проявления коммуникантов в данном случае необходимо.

Исследователями замечено, что однократное и тем более двукратное или трёхкратное использование тактики коммуникативного саботажа обычно заканчивается сменой темы или прекращением общения [11, с. 8]. Однако в рассматриваемом примере коммуникативный саботаж минимально варьировался в тактиках и был применён в общей сложности по ходу разговора семь раз, после чего Собеседник 3 сменил стратегию говорения. Поскольку Собеседники 1 и 2 просили его о совете (*Я могу с тем же успехом по телефону советовать*), то Собеседник 3 высказал фразу, которая по своей структуре соответствует речевому акту совета: *Проект проектом, а есть ещё жизнь! Она длинная и большая. Вот. Если есть какие-то обстоятельства, которые... то, на мой взгляд, всегда лучше сбросить лишний проект и продолжить движение дальше по пути, который проложен давно и прямо*. Приведённое высказывание Собеседника 3 содержит общие рекомендации, которые можно определить как трюизмы, общие места.

Известно, что угроза способна нейтрализоваться речевым актом предостережения [7, с. 73]. Кроме того, угроза близка директивным (предписывающим) речевым актам рекомендации и совета. Компоненты, которые могут нейтрализоваться, имеют отношение к способу возникновения негативного события. При угрозе негативное событие представляется как результат деятельности говорящего, тогда как при предостережении или совете факт наступления события зависит не от говорящего, а только от будущего поведения слушающего. Иными словами, можно предположить, что Собеседник 3 идёт на поводу навязываемой ему стратегии, «советует», однако содержание этого совета максимально общее, неконкретизированное. Это связано с тем, что Собеседник 3 не готов взять на себя ответственность за содержание рекомендации (не соблюдается свойство 2).

Налицо семантическая аномальность исследуемого разговора. Тот, кого просят о совете, отказывается советовать, признаётся в своей неосведомлённости. А тот, кто просит о совете, наоборот, проявляет излишнюю осведомлённость, ср. высказывания Собеседника 1: *Ну, вот, Иван Иванович чуть-чуть лукавит, что это, так сказать, это самое не в смысле него; Нет, уголовное дело – это команда как бы других людей*. В результате многократного повторения вопросов Собеседниками 1 и 2 и многократного их саботирования Собеседником 3 последний выдаёт некое подобие совета, который по содержанию является трюизмом. Когда речь идёт о явном размывании речевых стратегий, невозможности достоверно выявить интенции говорящих в разговоре, тогда эксперт-лингвист обязан указать на это несоответствие. В анализируемом случае сложно определить истинные мотивы говорящих. Возможно, Собеседники 1 и 2 являются умелыми провокаторами, как это заявлял Собеседник 3; возможно и обратное: Собеседник 3 знает больше, чем сказал. Как бы то ни было, выстроить обвинение в угрозе вымогательства только на данных такого разговора невозможно, нужны дополнительные следственные доказательства, которые подтвердят или опровергнут

предположение о наличии угрожающего содержания. Это соответствует правам человека, зафиксированным в 49 статье Конституции РФ о презумпции невиновности.

Таким образом, несмотря на неоспоримый факт, что филолог не может оценивать, каким именно видом угрозы является тот или иной речевой акт, при оценке косвенного речевого акта угрозы необходимо исходить из гипотетической возможности его нейтрализации в контексте и рассматривать весь речевой материал, представленный в записи. Наиболее оправдан в данном случае метод полного прагматического описания коммуникативного события с рассмотрением использованных собеседниками речевых стратегий, тактик и ходов, особенностей поддержания диалогового взаимодействия (естественная передача инициативы в диалоге или сознательное удерживание одним из собеседников контроля над ситуацией, подталкивание к ответу, выводу и т. п.), случаев уклонения от темы, приёмов коммуникативного саботажа и др. [12]. Помимо этого, метод прагматического описания позволяет прогнозировать коммуникативные цели каждого из собеседников, высвечивает распределение ролей коммуникантов. Другие методы анализа текста (синтаксический, семантико-синтаксический, методы выборки и контент-анализа) могут быть использованы в качестве вспомогательных.

В случае конфликта интересов, подобного описанному в статье, сохраняется возможность, что рядовой носитель языка будет квалифицировать однозначно то, что в контексте речевой ситуации только обладает вероятностью. Кроме того, необычное речевое поведение потенциального угрожающего лица или потенциальной жертвы может быть результатом внешнего давления, провокации и других речевых манипуляций сторон. На это также необходимо указать следствию, которое должно собрать дополнительные доказательства для придания косвенному речевому акту угрозы юридического статуса.

Итак, экспертное поле задач специалиста-филолога в связи с юридизацией речевых актов угрозы представляется довольно обширным, но в то же время определённым. Это, во-первых, квалификация речевого акта, которая в случае с косвенными речевыми актами может быть осуществлена лишь с долей вероятности. Во-вторых, это описание речевых актов, которые нейтрализуют описываемый речевой акт, если такой вариант трактовки возможен. В-третьих, это описание речевых ролей коммуникантов, особенностей их речевого поведения, которое по совокупности с другими доказательствами будет являться подтверждением или опровержением наличия преступного умысла у говорящего.

Summary

T.S. Shakhmatova. Speech Act of Indirect Threat in Forensic Linguistic Expertise.

It frequently happens during forensic linguistic expertise that threats turn into speech acts with another meaning (advice, recommendation, and warning). This paper offers an overview of the legal admissibility of indirect speech acts with the meaning of threat and their neutralization by advice speech acts. Using the method of full pragmatic description of a communicative event, examples from the expert's practical experience are analyzed. Conclusions are derived concerning the role of expert opinion when analyzing the speech act of indirect threat.

Keywords: direct and indirect speech act, threat, advice, speech strategy, forensic linguistic expertise.

Литература

1. Угроза // Большой юридический словарь / Под ред. А.Я. Сухарева. – URL: <http://dic.academic.ru/dic.nsf/lower/18992>, свободный.
2. *Осадчий М.А.* Правовой самоконтроль оратора. – М.: Альпина Бизнес Букс, 2007. – 316 с.
3. *Баранов А.Н.* Семантика угрозы в лингвистической экспертизе текста. – URL: <http://www.dialog-21.ru/digests/dialog2013/materials/pdf/BaranovAN.pdf>, свободный.
4. *Бринёв К.И.* Лингвистические теории и лингвистические экспертные исследования: проблема взаимосвязи юридической и теоретической лингвистики // Юрлингвистика-10: Лингвоконфликтология и юриспруденция: Межвуз. сб. науч. тр. / Отв. ред. Т.В. Чернышова. – Кемерово: Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2010. – С. 197–209.
5. *Бринёв К.И.* Судебная лингвистическая экспертиза по делам, связанным с угрозой // Сибирская ассоциация лингвистов-экспертов. – URL: <http://siberia-expert.com/publ/3-1-0-46>, свободный.
6. *Бринёв К.И.* Теоретическая лингвистика и судебная лингвистическая экспертиза. – Барнаул: АлтГПА, 2009. – 252 с.
7. *Вежбицка А.* Речевые жанры (в свете теории элементарных смысловых единиц) // Антология речевых жанров. – М.: Лабиринт, 2007. – С. 68–81.
8. *Бринёв К.И.* Долг // Сибирская ассоциация лингвистов-экспертов. – URL: http://siberia-expert.com/index/dolg_k_i_brinev/0-78, свободный.
9. *Эштейн О.В.* Косвенный речевой акт угрозы в политическом дискурсе (на материале английского языка) // Изв. Самар. науч. центра РАН. – 2009. – Т. 11, Вып. 4–5. – С. 1337–1343.
10. *Падучева Е.В.* Высказывание и его соотносительность с действительностью. – М.: Наука, 1985. – 272 с.
11. *Андреева В.Ю.* Стратегии и тактики коммуникативного саботажа: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Курск, 2009. – 22 с.
12. *Иссерс О.С.* Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. – М.: ЛКИ, 2012. – 304 с.

Поступила в редакцию
20.07.15

Шахматова Татьяна Сергеевна – кандидат филологических наук, докторант кафедры русского языка и прикладной лингвистики, Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань, Россия.

E-mail: shatatyana@yandex.ru